

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-61-66
УДК 321(045)

Психокоммуникативные основы политики ядерного сдерживания: проблема рациональности и попытки выйти за пределы равновесия

С.В. Лебедев

Финансовый университет, Москва, Россия; РАНХиГС, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются психологические и коммуникативные аспекты ядерного сдерживания. Демонстрируется, что обязательным условием является рациональность субъектов, причем приписываемая политическим акторам школой реализма и неореализма. Показывается, что в результате устанавливается «хрупкое равновесие страха», в результате которого ни один из субъектов не может увеличить свой выигрыш, просто меняя стратегию. При этом субъекты стремятся переломить эту ситуацию, развивая военные технологии и адаптируя свои доктрины.

Ключевые слова: ядерное сдерживание; реализм; теория рационального выбора; рациональность; просчитанная двусмысленность; «дипломатия безумца»

Для цитирования: Лебедев С.В. Психокоммуникативные основы политики ядерного сдерживания: проблема рациональности и попытки выйти за пределы равновесия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):61-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-61-66

ORIGINAL PAPER

Psychological and Communicative Aspects of Nuclear Deterrence: The Issue of Rationality and Attempts to Go Beyond the Equilibrium

S.V. Lebedev

Financial University, Moscow, Russia; RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is dedicated to the study of psychological and communicative aspects of nuclear deterrence. Author emphasizes that rationality of political agents is a crucial condition, specifying that it must be realist or neorealist rationality. The article shows that deterrence results in “delicate balance of terror” – the situation when none of political agents can maximize its gains by only changing his strategy. Nevertheless, political subjects try to change situation developing military technologies and altering their doctrines.

Keywords: nuclear deterrence; realism; rational choice theory; rationality; calculated ambiguity; “madman diplomacy”

For citation: Lebedev S.V. Psychological and communicative aspects of nuclear deterrence: The issue of rationality and attempts to go beyond the equilibrium. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):61-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-61-66

Теория ядерного сдерживания стала формироваться в политической мысли в 1950-х гг., однако ее «зачатки» можно было обнаружить в размышлениях политиков и полководцев на протяжении всей истории — к примеру, китайский стратег Сунь Цзы утверждал, что «подчинить врага не сражаясь» — вершина военного искусства.

Однако автор не ставит своей целью анализ военно-стратегических аспектов ядерного сдерживания, а предлагает рассмотреть его с психокоммуникативных позиций — сделать упор на проблеме рациональности субъектов, обмене сигналами, достоверности сигнализирования и т.п.

Концепция ядерного сдерживания была хорошо отражена в метафоре «хрупкого рав-

новесия страха» [1] (*delicate balance of terror*). Также основную идею ядерного сдерживания лаконично сформулировал французский лидер Шарль де Голль: «Сдерживание начинается с того момента, когда возникает возможность убить на территории государства-агрессора достаточное количество людей, чтобы у него появилось убеждение в том, что игра не стоит свеч» [2].

Иными словами, сдерживание во многом зависит от того, как субъекты передают, получают и перерабатывают информацию. Известный российский ученый, политолог-международник В. М. Сергеев пишет, что «в ядерную эпоху вооруженный конфликт ... может быть только семиотическим в важнейших своих аспектах процессом, то есть коммуникативным взаимодействием» [3]. При этом он добавляет, что ядерный удар «приобретает знаковый характер» и направлен на «психологическое воздействие на реципиента». Представляется, что этот тезис позволяет еще в большей степени говорить о коммуникативно-психологической составляющей фазы, которая предшествует ядерной войне. Именно эта проблематика и будет рассмотрена в данной статье.

Во-первых, важной предпосылкой ядерного сдерживания является рациональность политических субъектов, причем рациональность в де-факто экономическом понимании. Здесь необходимо уточнить, что обычно в политической науке и экономической теории под рациональностью понимается поведение, ориентированное на максимизацию полезности, при этом полезность понимается преимущественно через материальную призму — как максимизация власти и богатства (политической ренты), хотя также допускается максимизация полезности в виде исполнения идеологических императивов. Иная трактовка рациональности сразу же подрывает базовые предпосылки философии сдерживания. К примеру, религиозный фанатик, убежденный, что, умерев за веру, он приобретет больше благ в «загробном мире», может рассматриваться как вполне рациональный максимизатор полезности, несмотря на самоубийственное поведение. Российский специалист по ядерно-политической проблематике А. В. Фененко приводит исторические примеры «иррациональных» идеологий, которые в теории могли подтолкнуть своих адептов использовать ядерное оружие, несмотря ни на что (немец-

кий нацизм и японская философия кокутай¹, ставшая, по сути, милитаристской в XX в.) [4].

Именно этот аспект ядерного сдерживания — экономически понимаемая рациональность субъектов — позволяет с тревогой смотреть на достаточно децентрализованную систему ядерного командования в Пакистане, в которую теоретически могут проникнуть «спящие агенты» с джихадистской идеологией.

Таким образом, «хрупкое равновесие страха» основывается на экономически трактуемой рациональности субъектов ядерного сдерживания. Во время холодной войны основные противники рассматривали себя как рациональных политических игроков, не заинтересованных в коллективном самоубийстве, поэтому принцип «взаимно гарантированного уничтожения», сформулированный Д. Бреннаном, достаточно успешно работал, несмотря на все свои ограничения.

Сторонники теоретико-игрового подхода к международным отношениям утверждали, что «хрупкое равновесие страха» является отличной иллюстрацией «равновесия Нэша», т. е. гипотетической ситуации, когда ни один из участников не может увеличить свой выигрыш при смене стратегии, если контрагент не поменяет свою стратегию.

Как отмечает коллектив авторов под руководством В. Г. Барановского, «спираль эскалации может раскручиваться не только с военно-технической, но и с военно-стратегической (доктринальной) стороны» [5]. Иными словами, если брать опыт холодной войны, то можно сказать, что субъекты сдерживания стремились увеличить свой «выигрыш» с помощью военно-технических (ПЛАРБ — подводные ракетоносцы, способные незаметно подобраться к территории противника и нанести удар, который не даст шансов успеть нанести ответный; системы ПРО и т. п.) и доктринальных новшеств.

Насколько можно судить, советское руководство делало упор на военно-технических аспектах сдерживания (например, так называемая система «Периметр»), хотя не сбрасывало

¹ В научном дискурсе не сложилось устойчивого терминологического клише относительно японского милитаризма времен Второй мировой войны: часть называет его фашизмом, а часть — просто милитаризмом. Термин «кокутай» также является небесспорным, так как изначально эта доктрина не несла такого шовинистического заряда и была существенно переработана японской военной пропагандой.

со счетов и стратегические (доктринальные) аспекты. Руководство США уделяло концептуальным аспектам несколько большее значение, что, вероятно, связано с бурным развитием американской политической науки (в том числе, и школ международных отношений) и наличием возможности у академических и экспертных кругов доносить свою точку зрения до Вашингтона — но, конечно же, с учетом политической конъюнктуры².

Как уже отмечалось, на практике развитие международных отношений и военной мысли приводило к попыткам выйти за пределы «хрупкого равновесия страха», не подвергая себя и свое государство опасности. Один из «отцов-основателей» реализма как школы международных отношений Ганс Моргентау в статье «Четыре парадокса ядерной стратегии» отмечал, что политика сдерживания пропитана определенными противоречиями: например, с одной стороны, государства декларируют свою приверженность политике разоружения и одновременно с этим наращивают ядерные потенциалы. Более того, в целом государства были бы не против использовать ядерное оружие, если бы не опасались серьезных последствий ядерной эскалации [6]. Поэтому возникал крайне любопытный парадокс — «абсолютное оружие» было в определенном смысле абсолютно бесполезным как инструмент достижения военноточных целей. Из этого логически вытекал вопрос: а стоит ли вообще как-либо принимать в расчет воинственную ядерную риторику того или иного политического субъекта при условии, что последний считается рациональным и ориентированным на максимизацию своих выгод?

² Следует отметить, что американская внешняя политика, на самом деле, не является настолько продуманной и научно-обоснованной, как хотели бы представить ее в Белом доме. К примеру, Ричард Хананьян в работе «Теория общественного выбора и большая стратегия» показывает, что американские президенты проходят электоральный отбор, который, однако, никак не связан со способностью продумывать долгосрочную внешнеполитическую стратегию. Ключевым условием для победы на выборах является ситуация незадолго до них, а никак не долгосрочные тенденции. Поэтому у американских президентов нет серьезных стимулов думать о долгосрочной внешнеполитической стратегии, так как это никак не повлияет на их шансы прийти к власти или быть переизбранными. В целом, Хананьян считает, что любое демократическое государство испытывает серьезные трудности с выработкой долгосрочной внешнеполитической линии и допускает, что у авторитарных государств с сильным лидером есть в этом плане серьезные преимущества.

Иными словами, предпосылка рациональности субъектов ядерного сдерживания позволяла допустить, что они не решатся применить ядерное оружие в большинстве ситуаций. На этом основывался сформулированный политическими исследователями парадокс «**стабильности-нестабильности**», согласно которому ядерное оружие гарантирует стабильность на стратегическом уровне (т.е. ядерная держава А избегает прямой агрессии против ядерной державы Б), однако при этом растет число локальных конфликтов с участием ядерных держав, так как каждая из них уверена, что другая не станет применять ядерное оружие для защиты своего неосновного союзника. Также — на уровне рассуждений — возникает вопрос: а будет ли тот иной субъект ядерного сдерживания использовать ядерное оружие в критической для себя ситуации или все же не решится? И в этом контексте ряд исследователей указывали на опыт Второй мировой войны — даже в условиях неминуемого поражения нацистский режим не решился³ использовать химическое оружие [7], опасаясь зеркальных мер.

Именно поэтому перед субъектами ядерного сдерживания вставали вопросы: а как доказать, что угроза достоверна? как доказать, что в ситуации X мы будем готовы применить ядерное оружие?

Эта проблема получила название «рациональной иррациональности» — чтобы убедить вероятного противника в серьезности угрозы, необходимо коммуницировать тот факт, что ты готов вести себя «иррационально» (так называемая «дипломатия безумца»).

Одним из выходов из этих затруднений стала концепция «предпоследнего шага», согласно которой тот или иной субъект сдерживания делает эскалирующий шаг («предпоследний») и предлагает своему контрагенту выбор — или перевести конфликт в ядерную плоскость (совершить «последний шаг»), или предпочесть деэскалацию. Например, в ходе Карибского кризиса советский лидер Н. С. Хрущев и американский

³ Следует подчеркнуть, что речь шла именно о страхе симметричного ответа, а не об опасении нарушить некое табу. Историки указывают, что Германия планировала использовать боевые отравляющие вещества против СССР в 1942 и 1943 гг., однако отказывалась от этих планов после публичного обещания союзников СССР сбросить химические бомбы на Берлин в качестве ответного шага.

лидер Дж. Ф. Кеннеди поочередно совершали «предпоследние шаги». Сначала Н. С. Хрущев разместил ракеты на Кубе («предпоследний шаг») и перед Кеннеди встал выбор — нанести удар по советским ракетам («последний шаг») или поступить иначе. Он предпочел начать морскую блокаду Кубы (тоже «предпоследний шаг») вместо атаки. Перед Хрущевым встал выбор — попытаться прорвать морскую блокаду (это был бы «последний шаг»), что привело бы к прямому столкновению ядерных сверхдержав, или поступить как-то иначе. Советский лидер не стал делать ни «последнего шага», ни очередного «предпоследнего шага», а вместо этого выбрал деэскалацию — распорядился убрать ракеты с Кубы.

Следует добавить, что Карибский кризис ни в коем случае не следует воспринимать как «отступление» СССР, так как советское руководство смогло достичь ряда серьезных геополитических целей.

Во-первых, была заключена неофициальная договоренность о том, что американские баллистические ракеты «Юпитер» будут убраны из Турции — что и было сделано в течение нескольких месяцев.

Во-вторых, США дали гарантии ненападения на Кубу.

В-третьих, Карибский кризис имел серьезный политико-коммуникативный потенциал — он заставил американскую элиту серьезно и с уважением относиться к национальным интересам Советского Союза и заложил предпосылки для старта разрядки в международных отношениях. Последний вывод позволил ряду международных экспертов говорить о том, что в целом подобные кризисы в определенной степени «полезны» для мировой политики и гарантируют долгосрочную стратегическую стабильность, однако подобная точка зрения представляется крайне сомнительной и даже несколько безответственной.

Возвращаясь к проблеме достоверности сдерживания (как доказать, что А реально применит ядерное оружие в случае X), следует отметить, что военно-политическое руководство ядерных держав рано или поздно приходило к мысли о целесообразности создания так называемой «ядерной доктрины», т.е. документа или корпуса документов, которые перечисляли бы условия применения ядерного оружия (то, что сейчас принято называть «красными линиями»).

Однако подобное документально оформленное декларирование принципов сдерживания приводило к очередному парадоксу — получая, что государство Б, изучив ядерную доктрину своего геополитического оппонента — государства А, получало информацию, какие недружественные шаги относительно государства А оно может предпринять, не опасаясь ядерной эскалации. Говоря простыми словами, ядерная доктрина с предельно четко обозначенными «красными линиями», по сути, давала карт-бланш на враждебные действия, которые эти линии не пересекают.

Одним из доктринальных ответов американского руководства стала политика «просчитанной двусмысленности» (*calculated ambiguity*) в отношении применения ядерного оружия и других внешнеполитических вопросах. Идея заключалась в том, что США сознательно не проводят четких «красных линий», чтобы вероятный геополитический оппонент не располагал точной информацией, какие его шаги приведут к ядерной эскалации, а какие — нет. Эта политика рассматривалась США как способ максимизировать свой выигрыш применительно к различным внешнеполитическим ситуациям, — не только относительно ядерного оружия. Идея «просчитанной двусмысленности» заключается в том, что возможный геополитический оппонент не располагает точной информацией о ситуации, а из этого следует, что он теряет чувство контроля, необходимое (согласно теории рационального выбора и школе реализма) для перехода к активным военным действиям.

Коротко рассмотрим применение этого принципа «просчитанной двусмысленности» к проблеме Тайваня. Следует напомнить, что остров Тайвань позиционирует себя как автономное от КНР политическое образование, хотя и не решается напрямую провозгласить себя независимым государством. США не поддерживают официальные дипломатические отношения с Тайванем, но при этом по факту имеют очень тесные политические, экономические и военные связи с островом. Однако США последовательно придерживаются политики «просчитанной двусмысленности» относительно того, будут ли они защищать Тайвань (в том числе, с применением ядерного оружия), т.е. четко не говорят ни «да», ни «нет», несмотря на регулярные предложения «ястребов» пе-

рейти к политике «стратегической ясности» (strategic clarity).

К примеру, показательным является интервью действующего госсекретаря США Энтони Блинкена медиахолдингу NBC. Журналисты NBC несколько раз попытались уточнить, будет ли США «защищать Тайвань военным путем» и планирует ли Белый дом «дать военный ответ» на возможные действия Китая в отношении Тайваня. На что госсекретарь заявил, что хотел бы избежать «построения гипотез» и что у США есть серьезные обязательства в отношении острова⁴.

Коротко охарактеризуем очевидные сильные стороны подобного подхода, помимо того факта, что США сохраняют «свободу рук» в Восточной Азии и не связывают себя конкретными строгими обязательствами.

Во-первых, четкие гарантии безопасности Тайваню в теории могут стать спусковым крючком для усиления сепаратистских настроений на острове, который решит, что при поддержке США может официально провозгласить свой суверенитет. Это, в свою очередь, может привести к полноценному американо-китайскому конфликту и тому, что российский исследователь А. Губин назвал «ядерной полночью в Восточной Азии» [8].

Во-вторых, правящая элита Тайваня может решить, что политика «стратегической ясности» в отношении острова является сигналом слабых переговорных позиций американской администрации (относительно самой элиты Тайваня) и попытается получить больше уступок от США, еще глубже втягивая их в конфликт вокруг острова.

В-третьих, переход к политике «стратегической ясности» в отношении Тайваня, даже без провоцирования сепаратистских настрое-

ний на острове, может быть крайне негативно считан Пекином, который в большей степени опасается не одномоментного окончательного размежевания с Тайванем, а постепенного «дрейфа» острова в направлении США. Поэтому даже усеченные гарантии безопасности Тайваню со стороны американской администрации будут крайне негативно восприняты руководством КНР.

Второй концептуальной попыткой выйти за пределы «шаткого равновесия страха» стала политика президента Р. Никсона, которая получила неофициальное название «дипломатия безумца» [9]. Данная внешнеполитическая философия была направлена на то, чтобы конструировать политический имидж Р. Никсона как «безумца», способного к самоубийственным шагам. Помимо всего прочего, это позволяло американским дипломатам разыгрывать роль «хороших полицейских» на внешнеполитических мероприятиях, которые были бы не против пойти на встречу контрагентам, но не могут из-за «безумия» лидера. Наиболее отчетливо «дипломатия безумца» проявилась в ходе Вьетнамской войны — Никсон открыто блефовал, убеждая Кремль, что он готов в ядерной войне (интенсифицировал разведывательные полеты вокруг СССР, привел американскую армию в полную боевую готовность). Так он надеялся прекратить поддержку Ханоя со стороны соцлагеря. Однако советское руководство раскусило этот блеф, что в итоге привело к поражению США во Вьетнаме.

Таким образом, важнейшей предпосылкой ядерного сдерживания является «экономическая» рациональность субъектов, способствующая достижению «хрупкого баланса страха». Это приводит к определенному парадоксу сдерживания — политическим субъектам целесообразно конструировать имидж иррациональных игроков, способных к ядерной эскалации. Кроме того, большое значение имеет также концепция «предпоследнего шага».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror. *Foreign Affairs*. 1959;37(2):211–234.
2. Peyrefitte A. C'était de Gaulle. Paris: Éditions Gallimard; 2002.
3. Сергеев В.М. Теория и практика политической коммуникации. М.: Проспект; 2010.
Sergeev V.M. Theory and practice of political communication. Moscow: Prospekt; 2010.
4. Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020;13(1):111–135.

⁴ Secretary Antony J. Blinken With Chuck Todd of NBC's Meet the Press. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-chuck-todd-of-nbcs-meet-the-press/>

- Fenenko A. V. The evolution of the theory of nuclear deterrence in the United States during the Cold War. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of St. Petersburg University. International relationships*. 2020;13(1):111–135.
5. Барановский В.Г., Бужинский Е.П., Загорский А.В., Никитин А.И., Ознобищев С.К. Избежать ядерной войны. Проблемы эскалации/деэскалации вооруженных конфликтов при приближении к «ядерному порогу». *Полис. Политические исследования*. 2022;(6):114–134.
Baranovsky V. G., Buzhinsky E. P., Zagorsky A. V., Nikitin A. I., Oznobishchev S. K. Avoid nuclear war. Problems of escalation/de-escalation of armed conflicts when approaching the “nuclear threshold”. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2022;(6):114–134.
6. Morgenthau H. The four paradoxes of nuclear strategy. *The American political science review*. 1964;58(1):23–25.
7. McGwire M. Deterrence: The Problem Not the Solution. *SAIS Review*. 1985;5(2):118–121.
8. Губин А. «Ядерная полночь» в Восточной Азии: новая опасность эскалации в Тайваньском проливе. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernaya-polnoch-v-vostochnoy-azii-novaya-opasnost-eskalatsii-v-tayvanskom-prolive/>
Gubin A. “Nuclear midnight” in East Asia: a new danger of escalation in the Taiwan Strait. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernaya-polnoch-v-vostochnoy-azii-novaya-opasnost-eskalatsii-v-tayvanskom-prolive/>
9. Burr W., Kimball J. P. Nixon’s Nuclear Specter. The Secret Alert of 1969, Madman Diplomacy, and the Vietnam War. Lawrence: University Press of Kansas; 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Владимирович Лебедев — кандидат политических наук, старший преподаватель департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия; старший преподаватель кафедры управления проектами и программами, РАНХиГС, Москва, Россия

Sergei V. Lebedev — Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia; Senior Lecturer, Department of Projects and Programs Management, RANEPA, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8228-2256>

sergei.lebedeff@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 13.05.2023; accepted for publication on 10.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.